

отразилась на всей ментальности русского народа. Вот причина того, почему идеи пацифизма так и не смогли пустить корни в России. Русская православная традиция, освящая война защитника, как антропологический тип русского человека, определяла отношение к насилию по критерию допустимого/недопустимого, ставила преграды на пути жестокости, агрессивности.

Литература

1. Сказание о Мамаевом побоище. параллельный перевод древнерусского текста на современный литературный язык. Подготовка текста В. П. Бударagina и Л. А. Дмитриева, перевод В. В. Колесова, комментарии Л. А. Дмитриева [Электронный ресурс] – URL: https://drevlit.ru/parallel_text/skazanie_o_mamaevom.php#_edn44 (дата обращения 11.04.2023 г.)

2. Правила [kanones] православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского: Пер. с серб. Т. 1-2 / [Предисл.: проф. И. Пальмов]. - Санкт-Петербург: тип. С.-Петербур. духовной акад., 1911-1912. / Т. 1. - 1911. - XX, 640 с.; Т. 2. - 1912. - VIII, 635 с. [Электронный ресурс] – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-ottsov-pravoslavnoj-tserkvi-s-tolkovanijami/126 (дата обращения 11.04.2023 г.)

3. Правила [kanones] православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского: Пер. с серб. Т. 1-2 / [Предисл.: проф. И. Пальмов]. - Санкт-Петербург: тип. С.-Петербур. духовной акад., 1911-1912. / Т. 1. - 1911. - XX, 640 с.; Т. 2. - 1912. - VIII, 635 с. [Электронный ресурс] – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-ottsov-pravoslavnoj-tserkvi-s-tolkovanijami/14 (дата обращения 11.04.2023 г.)

4. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации [Электронный ресурс] – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html> (дата обращения 12.04.2023 г.)

5. Митрополит Суражский Антоний. О насилии [Электронный ресурс] - URL: <http://lendvai.orthodoxia.org/2015/07/15/mitropolit-surozhskij-antonij-onasilii/> (дата обращения 12.04.2023 г.).

Борисова Оксана Сергеевна

Дроботова Наталья Александровна

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ОПТИКУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ

ДЖ. АГАМБЕНА

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается динамика значений понятия «деятельность» в работе Дж. Агамбена «Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления». Отмечаются, что две парадигмы, выделяемые Агамбеном, управленческая и теологическая, тесно связаны с

апокалиптической перспективой, которая определяет противопоставление деятельности и бездеятельности.

Ключевые слова: деятельность, слава, теология, Дж. Агамбен.

Borisova Oksana Sergeevna

Drobotova Natalia Alexandrovna

ON ACTIVITY THROUGH THE OPTICS OF POLITICAL THEOLOGY J.
AGAMBENA

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Summary: The article discusses the dynamics of the meanings of the concept of "activity" in the work of J. Agamben "Kingdom and Glory. Towards a Theological Genealogy of Economics and Management". It is noted that the two paradigms identified by Agamben, managerial and theological, are closely related to the apocalyptic perspective, which determines the opposition of activity and inactivity.

Keywords: activity, fame, theology, J. Agamben.

Работа Дж. Агамбена «Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления» была опубликована на русском языке в 2018 году и, как нам кажется, получила меньшую долю внимания, чем его предыдущие работы, а скорее целая серия работ с общим названием «Homo sacer» [1, 2, 3]. Можно предположить, что античный контекст проблемы власти, выстраиваемая Агамбеном диспозиция противостояния *zoe* и *bios*, оказался ближе, в том числе и более известной линии европейской традиции политической философии и антропологии, оперирующих идеей «отсутствующего основания». В «Царство и слава» Агамбен берет другой аспект власти, более периферийный для философии, но достаточно известный в теологии, как пишет автор, дающий начало двум парадигмам: «политическая теология, которая в едином Боге утверждает трансцендентность суверенной власти, и экономическая теология, которая замещает эту идею концепцией ойкономии, понятой как имманентный порядок – домашний, а не политический в узком смысле – как божественной, так и человеческой жизни» [4, с. 13]. Оптика «тринитарной ойкономии» раскрывает власть через противостояние в ней власти как управления и власти как Славы. И если в модусе «эффективного менеджмента» власть воспринимается нами вполне привычно, то Слава вызывает вопросы только в своей теологической ипостаси. Слава в своем секулярном выражении, взятая как репрезентация, коммуникация, более привычна. Возможно сегодня, в эпоху цифровизации и медийных технологий, когда управление неотлично от PPA, этот аспект власти актуален как никогда, как и реконструкция его теологических оснований. Они же позволяют выйти за границы привычного взгляда на власть, распознать в Славе или «за» ней «решающее значение бездеятельности как собственно человеческой и политической практики...» [4, с. 12].

Причем экспликация экономических или управленческих практик как исходно христианских была достаточно ярко представлена Мишелем Фуко, особенно в его лекциях 1982 – 1983 годов [5]. Интерпретация проблемы управления Дж. Агамбеном идет несколько дальше, ставя вопрос о понимании власти как без-деятельности в эсхатологической перспективе. В этом противопоставлении власти и бездеятельности, власть занимает место деятельности. Власть и деятельность при этом нуждаются в уточнении своего места в глобальном делении мира на земной и божественный. Это важно, поскольку позволяет отнести проблему власти и деятельности по шкале времени, в горизонте до его окончания и после. И если исходно человеческая деятельность начинается с момента грехопадения: «Ныне проклята из-за тебя земля: в муках будешь ее плоды добывать, день за днем, всю твою жизнь. Колючки и репей она тебе произрастит, полевою травой питаться будешь и в поте лица добывать свой хлеб» (Быт 3:17-18) – то, власть связана с отсрочкой последних дней и избавлением от тяжелого труда. Так Агамбен обосновывает идею о двух парадигмах, теолого-политической и экономической, которые в фокусе понятия деятельности будут разграничиваться по отношению к ней.

Агамбен реконструирует историю парадигмы ойкономии опираясь на интерпретации Петерсона и Шмитта, с отсылками к христианским богословам. Исходя из того, что время задержки или откладывания Апокалипсиса есть время деятельности человека, возможность для существования и реализации власти как экономики, а зависимость божественного и действующего была сформулирована уже в Античности, где Бог есть сила, а сила основа действия и деятельности. Для христианских мыслителей, в частности Евсевия, более актуальным было обоснование монотеизма, в том числе через отражение идеи единого в единственности власти земной, монархии [4, с. 28]. Проблема единства осложнялась триединым пониманием Бога в христианстве и необходимостью обоснования перехода триединства в единство власти. Обращение Агамбена к цитате Григория Назианзина проясняет связь, в том числе практического и политического свойства, между пониманием природы божественного и категориями единства и множественности: «Существуют три древнейших мнения относительно Бога: анархия, полиархия и монархия. С первыми двумя играют дети греков – и пусть играют себе в волю. Анархия, в самом деле, есть отсутствие порядка; полиархия есть гражданская война [stasiödes], в этом смысле анархичная и беспорядочная. Обе они ведут к одному и тому же исходу —беспорядку, влекущему за собой распад. Беспорядок действительно предваряет распад. Мы же почитаем монархию; но не ту монархию, которую определяет одна-единственная личность, – ибо даже единственная личность, если она войдет в состояние гражданской войны [stanazon pros heauto] с самой собой, порождает множественность, – но ту монархию, которая строится на равенстве природного достоинства, на единении ума, на тождестве движения, на стремлении ее элементов к единству и схождению в нем: все это недоступно природе сотворенного. Таким образом, даже если она различается численно, в сущности своей она неделима. Поэтому монада, которая изначально стремилась к диаде, обрела покой в триаде. Это и есть для нас Отец, Сын и

Святой Дух; первый производитель [gennêtôg] и источник [proboleus], безусловно, свободный от страстей, вне времени и бестелесный... [Greg. Naz. Or., xxi, 2. P. 694]» [4, с. 32]. Как следует из цитаты, Григорий Назианзин различает единство «сотворенного» и единство божественное. Монархия, основанная на, скажем условно, «земном» единстве, не содержит единства в его истинном или подлинном смысле. Только власть, основанная на «равенстве природного достоинства», единстве ума и движения, действия, содержит единство, которое «недоступно природе сотворенного», то есть, всему сотворенному человеком. Власть же, исходящая от Бога, ведет к единству, далее порядку и миру.

Порядок есть следствие единства и важное понятие, вводимое для описания состояния мира. Экономика есть не что иное, как способ достижения такого состояния. Христианские трактовки экономики отличаются от античных, но также с ними связаны. Если для Аристотеля экономика сосредоточена вокруг дома, ойкоса, чем принципиально отличается от политики и полиса как ее сосредоточения, то уже в эпоху поздней Античности «функциональный порядок» ойкоса дополняется смыслами врачевания и философских практик к уже имеющимся и сосредоточенным вокруг деятельности по наведению порядка: «В одном отрывке Ксенофонта дается точное определение этой «управленческой» природы ойкономии: она связана не только с потребностью в предметах и их использованием, но прежде всего с их упорядоченным расположением... Дом в этой перспективе сначала уподобляется войску, а затем кораблю» [4, с. 40, 41]. Дж. Агамбен останавливается на учении стоиков, которые через обращение к понятию «упорядочивающей силы» выходили на связь экономики и философии, при всех оговорках и различиях практики и знания, техне и эпистеме.

В христианстве ойкономия сохраняет свое исходное значение деятельности, имеющей отношение к дому, приобретая дополнительное, деятельности по реализации «божественного плана спасения».

«Смысл «ойкономии» в данном случае прозрачен, а конструкция с использованием *pisteuō* не оставляет никаких сомнений: ойкономия есть поручение (как в Септуагинте Ис. 22:2i), данное Богом Павлу, который в этой связи действует не свободно, как в *negotiorum gestio*, а согласно обязательству, основанному на доверии (*pistis*) в качестве *apostolus* («посланника») и *oikonomos* («уполномоченного управляющего»). Ойкономия в этом случае есть нечто такое, что вверяется: значит, это есть деятельность и поручение, а не «план спасения», исходящий из божественного разума или воли» [4, с. 46-47]. И здесь уже нет аристотелева противопоставления ойкоса и полиса, исключаящей оппозиции экономики и политики, скорее сквозная экономика, которая через обращение к каждому, через спасение личное, охватывает всех людей. Оставаясь при этом деятельностью отличной от *mysterion*, собственно спасения, именно деятельностью в отсроченный период, до Пришествия.

Соответственно, эта деятельность сосредоточена на мире земном, а смыслы упорядочивания, начинают соседствовать с управлением. Очевидно, что секуляризация вносит коррективы в смысловое поле экономики, отсекая теологические значения. Перспектива временности такой деятельности

затемняется. Отсрочка в деятельности становится бесконечной, а экономика преимущественно управлением. Важно, что без конечной цели, изначально спасения. Поэтому неудивительно, что утрачивается смысл отмены деятельности, бездеятельности после Апокалипсиса. Слава власти, по меткому наблюдению Дж. Агамбена, остается загадочным и сложно объяснимым эффектом самой власти. Амбивалентность которой раскрывается через оппозиции эффективной деятельности и бездеятельности, управления и прославления. Наконец, дела и слова, противостояние которых в профанном мире наиболее ярко как раз и раскрываются в феномене власти и порядка [6, с. 43], в божественной реальности противостояния лишены. Вальтер Беньямин в своем письме Мартину Буберу пишет об этом слиянии: «...только там, где в несказанной, абсолютной ночи открывается эта сфера бессловесного, между словом и побудительным поступком может пробежать магическая искра, там, где есть единство их, одинаково реальных. Лишь интенсивная направленность слов к средоточию внутреннего онемения достигает истинной действительности. Я не верю в то, что слово каким-то образом отстоит дальше от божественного, чем «реальная» деятельность, поэтому оно не может иначе вести к божественному, нежели через себя самого и собственную чистоту» [7, с. 29]. Слово и действие соединятся в перспективе последних дней, тогда как сейчас о них можно писать одновременно как о тайне и надежде.

Литература

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: «Европа», 2011. 256 с.
2. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011. 148 с.
3. Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012. 192 с.
4. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.-СПб.: Изд. Института Гайдара, 2018. 552 с.
5. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982—1983 уч. году СПб.: Наука, 2011. 432 с.
6. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 237 с.
7. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей М.: РГГУ, 2012. 288 с.

Ткачев Виктор Николаевич.

Ткачева Мария Викторовна

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный

исследовательский университет», г. Белгород, Россия;

«Православный детский сад «Рождественский». г. Белгород, Россия

Аннотация: В статье отражены результаты изучения выполнения студентами практических заданий по составлению психологических